

Мари Рейн
ВедьМаша

Мари Рейн

ВедьМаша

«Издательские решения»

Рейн М.

ВедьМаша / М. Рейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500468-0

«Как жить в городе, зная, что ты потомственная лесная ведьма? Маша обычная городская девушка. Такой была, пока случайно к ней не попал сундук с историей ее рода. Открыв тайны, в жизни Маши начинают происходить странные, а порой и пугающие вещи. Оживает ее соломенная кукла, девушка начинает понимать язык деревьев и читать мысли животных. Но она еще не знает, куда приведут эти полученные способности. И можно ли убрать город из ведьмы, а ведьму из города?..»

ISBN 978-5-00-500468-0

© Рейн М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Германия. Кельн. 16 век	6
МАРТА	7
Глава 2	9
МАША	10
Глава 3	13
Германия. 16 век	13
МАРТА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

ВедьМаша

Мари Рейн

Иллюстратор Анна Кулик

© Мари Рейн, 2019

© Анна Кулик, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0468-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Для лиц категории 16+

Иллюстрация Анна Кулик

Мари Ирам. ВедьМаша. Роман. Фэнтези.

«Как жить в городе, зная, что ты потомственная лесная ведьма? Как теперь использовать свою природную красоту для построения отношений, если ты узнала 100 секретов приворота? Как устранять соперниц своими силами, а не магическими обрядами?»

Маша обычная городская девушка. Такой была, пока случайно к ней не попал сундук с историей ее рода. Открыв тайны, в жизни Маши начинают происходить странные, а порой и пугающие вещи. Оживает ее соломенная кукла, девушка начинает понимать язык деревьев и читать мысли животных. Но она еще не знает, куда приведут эти полученные способности. И можно ли убрать город из ведьмы, а ведьму из города...?»

В чем твоя сила, женщина?

Кровоточишь ты, но не покалеченная.

Будто влагою живую пропитана,

Будто солнечным светом умыта ты.

Охмуряешь мужчину сей ядом,

Не с тобой он, но мысленно рядом.

И в бокал ты страстей наливаешь,

Пей до дна, милый, не пожалеешь.

Кто обманет ее, тот поплатится,

Своей жизнью пред Богом расплатится.

Только людям тебя не понять,

На костре будешь ты догорать...

***Я выражаю благодарность всей моей семье
за поддержку и понимание.***

***А так же моему другу,
который вдохновлял писать дальше.***

Глава 1

Германия. Кельн. 16 век

МАРТА

На землю спускается розовое утро. Вот-вот должно взойти солнце. Небо багровеет и над горизонтом появляется светило, освещает лучами леса, поля, луга, воды, горные вершины и дома людей.

В маленькой деревушке закипает жизнь. Собаки лают на мимо проходящий скот, который каждое утро водили на водопой. Женщины начинают готовиться к утренней дойке, редкие старики курят на крыльце своих домов. Шла война. Мужчин в деревне, считай, не осталось, всю работу выполняли женщины да окрепшие подростки. Смерть прошла по многим домам, Марта не стала исключением. Ее мужа забрали одним из первых, одним из первых он и погиб. Молодая вдова осталась с шестилетней дочкой Сарой одна, родителей девушка не знала, воспитывалась у тетки, которая умерла еще в прошлом веке.

Осень, середина сентября. Погода хмурится, еще сохраняются солнечные деньки, но временами заливает дождь. Деревня расположилась недалеко от Кельна, природа тут чище и воздух свежее. По одну сторону находились прохладные и дремучие леса с болотами, по другую могучие горы, а за ними Северное Море. Сама деревушка была небольшая, местность необжитая, рядом протекала река Рейн, она была спасением в голодные времена. Ведь прозрачно-ледяные озера таились в непроглядной чаще хвойного леса, куда добраться было практически невозможно. Марта любила утренние часы до восхода солнца, когда весь люд спал. Выходила на улицу босая, в одной рубашке на голое тело и шла в чащу. Земля тут была ядовитая, травы по пояс, в приятном полумраке только-только все пробуждалось. Вот паук начинал плести липкое кружево, а вот муравей, пытался откопать себе проход наружу.

Женщина собирала росу в прозрачные стеклянные пузырьки, которые гремели в льняном мешке, туда же собирала белладонну, мухоморы и кору волчьего лыка. А потом бегом, до первых, сходящих на землю лучей солнца, неслась в избу. Доила корову, разводила ее молоко свежесобранной росой, жадно пила сама и поила этим дочь Сару...

Марте Конти было тридцать восемь, но на вид чуть больше двадцати лет. Имела интересное лицо с заостренным подбородком и выраженными скулами, огненно-рыжие волосы, плавно струящиеся до середины спины и темно-зеленые глаза, которые выдавали некую бесовщину ее взгляда. Она всегда смотрела, будто в душу, леденящим взором. Определяла те или иные болезни у людей, предсказывала погоду, лечила от недугов, принимала роды. Ее в деревне и боготворили, и побаивались. Если кто обидит, пожалует. Беда тут же придет в его дом. Для кого-то знахарка, для кого-то ведьма. Она не всегда была такой, изменилась после смерти мужа, ровно три года назад.

Сентябрь делился яблочками, сады наполнились душистым ароматом, который проникал в каждую избу. От земли исходил пряный запах, на деревьях переливалась роса радужным светом, а зеленая трава, местами выгоревшая на солнце, была усыпана нежно-розовыми лепестками. Те сады принадлежали судье. Мерзкий, длинноносый старикашка использовал детей из деревни для сбора урожая, бесплатно, грозя расплатой их семьям, в случае отказа. Сара попала в список сборщиц. Белокурая голубоглазая девочка очень сильно отличалась от местных детей. Ей тогда только-только исполнилось три года, девчушка была нелюдимая, избегала сверстников, играла со своей соломенной куклой, иногда впадала в некий транс: глаза обесцвечивались, а губы шепотом произносили на непонятном языке слова, складывающиеся в молитву.

В тот сад она попала первый раз, ее задача была самая простая – собирать с земли опавшие яблоки. Что такое яблоко для детей, которых коснулся голод войны? Осеннее и хрустит по-другому, выдает кислинку и немного горчит. Эти были не такими: сладкие, сочные, прибитые утренним морозцем так и таяли во рту. Устоять было невозможно.

– Ах ты, воровка! – послышался хриплый мужской голос за спиной. – Кто тебе разрешил без спроса брать чужое? Я покажу, оборванка, как воровать! Еще повезло, что твоего отца признали героем, иначе бы посадил всю вашу семейку гнить в тюрьме до конца жизни.

Он выволок за шиворот испуганную Сару и потащил ее, через всю улицу, громко ругаясь. А дойдя до дома, где жила семья, объявил о преступлении ребенка и назначении наказания – 50 ударов розгами на центральной площади в деревне.

Через два часа, когда вся деревня собралась, судья зачитывал приговор: «...Откусила от хозяйского яблока...». Сквозь гул толпы и крики матери, слова пропадали в воздухе. Марту держали местные девки, та ругалась, что это с рук ему не сойдет, он очень пожалеет о своем решении, и кусок этого яблока еще встанет поперек его горла.

Над площадью нависли тучи, будто замерли, ожидая катастрофу, ветер буквально ворвался в тихую окрестность, поднимая пыль дорог, пытался разогнать собравшийся люд.

– Пятьдесят ударов розгами, – такое наказание для трехлетней девочки.

Громкий крик матери, с каждым новым ударом превращавшийся в истерику, резал по ушам всем близстоящим. Вжух! Отмашка хлыста в воздухе, удар! Вжух! Ровно пятьдесят раз...

Представление закончилось, каждый житель разошелся по своим домам, как ни в чем не бывало, и продолжал заниматься повседневной работой. Марта подошла к своей маленькой дочери. Девочка еле дышала, хрупкое тело пылало, а с некоторых ран сочилась кровь. Сара продолжала прижимать к себе свою соломенную куклу. Ни капли слез, девочка уже отходила в другие миры, вот тут-то женщина и поняла, что медлить нельзя.

Она взяла дочь на руки и внесла в дом, разрежала свою ладонь ножом, кровью облила тело Сары и произнесла:

«Пусть знамение рода исполнится, всяк обидевший нас поплотится. Женщины несут в себе силу. Так есть, так будет, и было. Своей кровью клянусь я до смерти, помогать всем буду, кто попросит меня. А всех злых накажи мать-природа. Да исполнится знамение рода».

И капнула лишь каплю крови на куклу.

Сара тут же открыла глаза, и на ее ноге вышло багровое пятнышко в виде креста.

– Знаешь, мамочка, а мне было совсем не больно. Моя Анни на ухо прошептала мне, что все придет к исполнению. Настало время.

Через пару недель, этот судья повесился на яблоне в своем саду. А на груди у куклы появился красный камень в виде слезы.

Глава 2

Россия. 21 век. Наше время.

МАША

Поздняя осень раздражает своей монотонностью. Солнце практически не выходит, темнеет рано, и льют бесконечные дожди. Небо нависает над Москвой серыми тучами, а ветер дует такой, что выворачивает наизнанку зонтик.

Маша терпеть не могла подобную погоду. Это утро было туманным, под ногами хлюпала грязь, а девушка опаздывала в институт. Еле вырвавшись из потока метро, на последних минутах до пары, буквально влетела в аудиторию. В этот раз успела, иначе бы преподаватель просто не взял ее на практику в Германию, знаменитую Кельнскую ферму.

Маша Колокольникова, двадцати пяти лет от роду, училась на последних курсах института по специальности «Ветеринарный врач». Была лучшей на потоке, но из-за постоянных опозданий портила себе репутацию. Конечно, преподаватели закрывали глаза. Гордость института: отличница, красавица, активистка и спортсменка. Но вот одногруппники недолюбливали эту рыжую выскочку, а девушки еще и завидовали.

Ведь Машенька была высокой, зеленоглазой, рыжеволосой бестией, с рассыпчатыми веснушками по всему лицу, рукам и верхней части груди. Ее волосы вились от природы, густые, объемные, плавно спускались ниже плеч. Она практически не красилась, цвет зеленых глаз заворачивал сам по себе, а пухлые, сочные губы всего лишь увлажняла блеском.

Жила Маша в пригороде Москвы, частном закрытом поселке. Их двухэтажный дом был там самым скромным, но это никогда не беспокоило Марию. Ее родители погибли в автокатастрофе, когда ей исполнилось семь лет, воспитанием занималась нянька, дальняя родственница по линии отца. Больше она ничего о себе не знала. Росла спокойным ребенком, красиво рисовала, особо ни с кем не дружила, любила животных, именно поэтому с выбором профессии определилась в детстве. Выросла, окончила школу с отличием, а позже легко набрала проходной балл в институте, и вот уже через два года она будет дипломированным специалистом.

Осень – печальная пора. Птицы улетели, деревья голые, люди злые. Этим утром легкий мороз сковал тонким льдом лужицы. Прохожие кутались в теплые шарфы, а природа затаилась в ожидании. Ожидание – это еще одно настроение поздней осени. Кому снега, кому чудес под новогодние праздники.

Этой ночью Маше снились цветные сны: будто она на карнавале, ловила руками падающие с неба конфеты, хороший знак, ведь сегодня будут объявлены списки студентов, попавшие по распределению на практику в Германию. Девушка очень хотела там побывать. Не только из-за профессии. Когда-то, ей мама рассказывала, что их далекие предки жили в окрестностях Кельна, в дореволюционной Германии, но из-за начавшихся волнений, перебрались в Швейцарию, а там вторая мировая война, и семья была вынуждена убежать в Россию. Больше Маша ничего не помнила, ей хотелось узнать историю своего рода, есть ли еще родственники, но няне было больше семидесяти лет, самой нужен уход. Практически глухая, с частыми потерями памяти, рассказчик из нее никакой.

Ноябрь сдается зиме. Начало месяца, а уже выпал первый снег, ослепительно белый, рыхлый, пушистый на ощупь, так и таял в руках.

Снежная Москва утром выглядит таинственно. Деревья покрылись легкой корочкой, которая блестит на солнце, как самый дорогой хрусталь. Оставшаяся листва под ногами, приобрела седую морозную бороду, асфальт похрустывал, и с каждой новой снежинкой, на него опускалось волшебство.

В это утро Маша не опоздала, списки уже были на стенде, десять лучших студентов, и какое разочарование ждало девушку... Ее там не было. Слезы начинали душисть, комок обиды подкатил к середине горла, как бы ожидая вырваться рыданием, едкое хихиканье за спиной врезалось в голову. Кто бы мог подумать, что Мишка Голощапов – хулиган и разгильдяй, поедет. Человек, списывающий у нее контрольные работы по немецкому языку. Перечитав бумажку еще раз, и убедившись, что ее там точно нет, Маша быстрым шагом последовала в деканат.

Ректор успокаивал:

– Ты пойми, за него похлопотали. Сама знаешь, кто его отец, я делал все, что мог. Ты у нас лучшая, но решение всегда за директором института.

– Надо будет, и до него дойду! – всхлипывала Маша. – Это нечестно! – она выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

Настроения учиться не было, но впереди важная лекция по анестезиологии, пропускать никак нельзя.

Колокольникова старалась ни на кого не смотреть за время пары, но как назло, лекция затягивалась. Соседка справа толкнула ее в локоть и кивнула туда, где сидел Михаил, мол, смотри, что он делает.

Голощапов строил Маше рожицы, откровенно смеялся, показывал ей средний палец руки, а потом пустил по аудитории рисунок, где девушка нагнута, а сзади, ее имеет какая-то рогатая скотина.

Зеленые глаза Марии мгновенно стали цвета дождевых туч, окна в лекционной резко распахнулись. Морозный ветер ворвался бурей и сметал все на пути, закручивал в ураган близ лежащие предметы, разносил их по огромному залу. Тяжелый горшок с геранью завис в воздухе и приземлился прямо на причинное место Миши...

Вскоре, Машу включили в списки студентов, и теперь она спокойно готовилась к поездке.

Студенты приземлились в Кельне. Он их встретил сырой погодой, высокой влажностью, серостью и нависшими тучами. Ребят временно поселили в небольшом отеле. Довольно уютное место, улыбчивые немцы. Постояльцам бесплатно предлагали глинтвейн с корицей и фирменные кельнские кексы «Штоллен», с цукатами, орехами и медом на выбор.

Уже следующим утром, погода радовала, +13 на градуснике, город замер перед предстоящим ноябрьским карнавалом, праздничная атмосфера так и витала в воздухе. Маша перезнакомилась со всей группой, ее поселили в один номер с Викой, они очень быстро подружились и решили изучить архитектуру города вместе. Немного теплой одежды, удобная обувь и вот студентки уже у знаменитого Собора Петра и Марии. Готическое здание поражало своей красотой, надменностью и размерами. Позже, девушки посетили еще пару музеев и одну выставку, пообедали в кафе, где на их глазах готовили свежие бельгийские вафли с ягодами и взбитыми сливками. А запивали студентки все это гастрономическое удовольствие ароматным кофе. В России такого не варили нигде.

Отдохнув от перелета пару дней, им нужно было уехать на окраины в фермерское хозяйство, для практики. Но приближался великий карнавал 11 ноября в 11:11, студенты не хотели пропустить столь яркое событие и уговорили преподавателя, сопровождающего их, остаться еще на один день.

Несмотря на дожди, климат в Кельне оказался мягким и приятным. Фееричное шоу в день открытия праздника шокировало масштабом. Взрослые бросали сладости из окон своих домов на головы всем жителям, дети с зонтиками и тележками собирали все это безобразия,

толкали друг друга, и кажется, ругались. Маше в лицо тоже прилетела конфета с предсказанием, открыв ее там, девушка прочла забавную надпись: «Следуй за белым кроликом, если хочешь узнать тайну рода».

Посмеявшись нелепостью записки, Мария выбросила ее в урну, столкнулась плечом с женщиной, развернулась на 180 градусов и увидела ростовую куклу-кролика, белоснежного цвета, который манил ее пальцем.

Что такое праздник в Кельне? Это веселье, пиво, открытие рождественских ярмарок с красивыми шарами из стекла, аромо-лампами, сувенирами, игрушками. Представление, громадные куклы на платформах. Это лосось на живом огне, вкусные стейки, сладости, пряники, варенье и халва. Смех и ощущения волшебства. Машин глинтвейн в этот раз был с вином, греться внутри необходимо, когда утром идет дождь. Она с визгом побежала за кроликом, через узкие улочки, толпы туристов, горожан. Он привел ее к сувенирной лавке и на чистом русском сказал:

– Купи соломенную куклу! Она удачу приносит, недорого. Один евро.

– Зачем мне кукла? Я уже взрослая, – хохотала Маша. – И удивительно, что вы разговариваете на русском языке, да и откуда-то знаете, что я знаю его...

– Куклу купи! Ты же тайны отгадывать любишь? Это первый ключ к разгадке твоего рода.

– Кто вы такой? Что вы знаете о моих целях? – веселье резко ушло, алкоголь выветрился, но Маша стояла, будто в тумане.

– Один евро и она твоя.

Девушка послушно отдала деньги и забрала с прилавка куклу. Это была потертая соломенная игрушка, явно не новая, на груди выделялась дыра, будто что-то там лежало. А глаза у куклы, как живые, нет рта и носа, лишь пара веревок в виде волос и платье в пол, скрывающее ноги.

– Ну, и что мне теперь с тобой делать? – вслух спросила Маша и подняла голову. Она снова оказалась на той самой площади, вот ее толкает женщина, едва уловимый шепот: «Слушаать...», опять оборачивается, но натывается на Вику.

– Я думала, тебя потеряла, не протолкнешься. В парке залили каток, пойдем, покатаемся, там все наши уже. А что это у тебя в руке? Тебе вроде 25 лет, – Виктория хихикнула, но видя озадаченное лицо подруги, уточнила:

– Все в порядке?

– Да... да... кукла. Вот купила, оберег говорят. Каток? Ну, пошли!

Убрав покупку в сумку, пробираясь сквозь толпу веселившегося народа, девушки поехали в парк.

Глава 3

Германия. 16 век

МАРТА

Смерть судьи тут же облетела деревню. Поговаривали, что к нему сам король подземного царства приходил и забрал себе. Но и дом Марты обходили стороной. Они стали затворниками в собственном жилье. Шептались, что она дочь спасла с того света, и в случае недугов, нет-нет, да и наглядывались к Конти. Марта никому не отказывала, помогала кому словом, кому делом, отвары давала или зелья, погружала человека в состояние сна, да заговоры читала. И всякий от нее выходил, как заново рожденный.

Все чаще Марта выбиралась до восхода солнца на прогулку. Собирала травы, сухие ветки, слушала шум деревьев и шепот воды, она очень любила приходиться к прозрачно-ледяному озеру. Разувалась, и босиком гуляла по водной глади, не чувствуя холода, общалась с русалками. Те своими слепыми взглядами всегда смотрели, будто сквозь Марту, отражая глубину озера.

Постепенно дом превращался в хранилище: банки, книги, травы, карты. Подходил любимый праздник ведьм – ночь Ивана Купалы. Собрав нужный состав из рецепта, перед полночью, раздевшись догола, Марта натерла себя этим зельем. Через пару минут начиналось легкое покалывание в теле, сознание путалось и приходило ощущение того самого полета. Картинка перед глазами смазывалась: вот лес, вот горы, вот костер и шабаш ведьм, вот она превратилась в олениху, проскакала хозяйские поля и выпорхнула уже черной вороной. Покружилась и канула в хвойную чашу, сорвала цветок папоротника и тьма поглотила ее полностью.

Очнулась Марта утром в избе, голова гудела. Женщина поглядела на себя через зеркало и увидела в отражении старуху, волосы которой были в перьях и соломе. Сморщенное, изуродованное бородавками лицо, с хитринкой на нее смотрело, и потом тихо сказало:

– Допрыгалась, дура! Сам дьявол присмотрел тебя в жены, откажешь ему – сгоришь на костре.

– Сгинь, нечистая! – Марта черной занавеской накрыла зеркало, но через секунду оно треснуло и осколки разлетелись по всему дому.

– Не видать счастья роду, жди отмщения, дураааа...

Женщину бросило в пот. Шла война. Люди стали озлобленнее, инквизиция не дремала, любой донос заканчивался публичным сожжением ведьм. Начинались гонения. На ее семью пока косо посматривали, но молчали. Деревушка глухая, а помощь оказывала только Марта. Ее магия была светлой, излучающей тепло. Из шалостей она позволяла себе лишь ночные полеты, да превращения в животных. А теперь сам дьявол хочет прибрать ее к себе в подземное царство.

Он действительно тем вечером пришел к ней на порог, но кресты в избе и молитвы не запускали незваного гостя. В облике черного рыцаря звал Марту из дома, но в этот момент Сара закатила глаза, ушла в легкий транс, что-то шептала. Красный камень на кукле засверкал, а багровое пятнышко на ноге девочки начало кровоточить. Ворвался в дом ветер, своей силой разбил все стеклянные банки, улизнул под порог и исчез вместе с черным рыцарем.

Шалости Марты в этот раз заметили, хозяйева полей на утро после Ивана Купалы, увидели знаки самого дьявола в притоптанной траве и донесли в Германию, что объявилась в деревне ведьма.

Запуганный люд приезжей инквизиции быстро указал дом Конти. Марта уже была готова: одела чистую, белую ночную рубашку и ждала стражей. Пошла без сопротивления, лишь попросила наедине попрощаться с дочерью.

– Сара, девочка моя, я отдала тебе все свои знания, всю свою силу и волшебство. Береги это, развивай, но никому не рассказывай. К тебе будет приставлена няня, твоя соломенная Анни об этом позаботится. Посмотри мне в глаза, читаешь мои мысли?

– Да, мамочка, – девочка сильно обняла Марту.

– А теперь слушай. Меня, скорее всего, сожгут в Кельне на главной площади, и ты будешь в первых рядах. Не плачь, мне будет не больно, моя душа переродится в нашей же семье, я к тебе вернусь, ты узнаешь меня по глазам. А вы переедете в Швейцарию. Хорошо? Я тебя очень люблю. Твори добро и береги себя. – Марта крепко обняла свою дочь и поцеловала в лоб.

На улице ей надели оковы на руки и ноги, кожаный ошейник, который плотно облегал шею, и полураздетую повели к лошадям. Они отправились в Кельн, в место, напоминающее пыточную, а не тюрьму. Всю дорогу ее везли с мешком на голове, чтобы чарами не заговорила сопровождающих и не смогла убежать. А уже по приезду, за закрытыми стенами, начались пытки. И кто бы мог подумать, что сын того судьи был в инквизиции.

– Ну, что? – начал он – Сама признаешься, что ведьма? Что опаивала людей зельями, они сходили с ума и умирали, якобы сами себя убивали.

– Ты хочешь, чтобы я признала смерть твоего отца своим убийством? Да была бы моя воля, он бы никогда не умер и жил в вечных муках. Но его забрал дьявол, надо выполнять условия сделки.

– Значит, ты признаешь наличие нечисти? Вы с ней в сговоре?

– Есть свет, а есть тьма. Кто-то выбирает день, кто-то ночь. Я любила утро.

– Не пытайся заговорить мне зубы, отщепенка! Несите сапоги! Сейчас по-другому заговоришь, ведьма!

Помощники внесли кожаные сапоги большого размера, ей одели их на ноги и стали медленно заливать кипятком. Марта чувствовала, что ее конечности охватил жар, пятки буквально сварились в этой пыточной, но не издала ни звука.

– Молчать вздумала? – взбесился палач. – Унесите в камеру, смотреть на нее противно!

Ближе к полуночи ей принесли корочку черного хлеба и миску с грязной водой. Марта в полах рубашки прятала нательный серебряный крест, достав сохран, опустила его в миску, прошептала слова, и вода стала чище слезы ребенка. Утром ее ждало предварительное заседание.

Здание суда напоминало обычный дом, лишь флаги на крыше обозначали важность объекта. Марту завели в зал. Там она увидела небольшое возвышение, к которому вели три ступеньки, с правой стороны находились приподнятые трибуны, предназначенные для тех, кто следит за судебным процессом, вдоль стены, ближе к выходу, стояли скамейки для зрителей, а слева находился небольшой столик для писца. В центре зала была скамья для подсудимой, она не имела спинки и оказалась крайне жесткой. Председатель суда опоздал, откашлявшись и извинившись, дал слово членам церковного трибунала:

– Подсудимая, как ваше имя полностью?

– Мое имя Марта Луиза Конти.

– Вы понимаете, что находясь в этом зале, вы обязаны говорить правду и только правду. Се иконы – и обвиняющий ее священник, указал на угол, где был образ Спасителя и Девы Марии, – свидетели ваших слов. Знаете, в чем вас обвиняют?

– Лишь в том, что была добра к людям и оказывала им помощь.

– У нас другая информация и есть люди, которые видели, как вы совершаете магические обряды, одурманивали головы мужчинам, пили кровь из домашнего скота, портили урожай. Вам лучше сейчас признаться, вы ведьма?

– Люди говорят то, что хотят. Да, у меня есть справочники целебных трав и настоек, но хранить их не запрещено. Я облегчала потуги роженицам и ни одного младенца на моих руках не умерло. У меня было свое хозяйство, мне нет нужды портить чужое, в стране голод, я бы только усилила воровство у себя. Ну, а пить кровь... это слишком нелепо и смешно, вам не кажется?

– Не пытайтесь заговорить нам зубы. Мы все равно добьемся от вас правды, чего бы это нам не стоило, – вмешался в разговор обвинитель.

– Кхм, кхм! – голос председателя был низким и грубым, – господин, обвинитель, мне кажется, вы превышаете свои полномочия. Возможно, женщина говорит правду, а злые языки из зависти наговаривают на ее семью. Я назначаю очередное судебное заседание через неделю, оно будет открытым, пусть приходят свидетели, без их показаний суд невозможен. А Марту Луизу Конти переселите в комнату ожидания решений.

– Но, но... – сторона обвинения была недовольна предварительным слушанием.

– Я все сказал!

Удар молотком.

Ганс Христофер был самым молодым судебным работником. По желанию родителей, окончил юридические курсы и два года трудился в местном суде. Амбиции брали свое, и в 29 лет он желал исполнять наказания в Верховном Суде Кельна. После смерти отца, парень собрал свою команду инквизиторов, как раз начинались гонения на ведьм. Это было то время, когда можно незаконно применять пытки и за это ничего не будет. Люди жили в страхе, а главе города, отвлечение народа от насущных проблем, было выгодно. Шла война. Голод. Смерть приходила в каждый дом. Когда Гансу донесли, что в его родной деревне объявилась ведьма, он принял это как знак. Повод отомстить за смерть отца, ведь семью Конти он прекрасно знал и люто ненавидел. Именно поэтому, после первого заседания, не отправил женщину в комнату ожидания, на приличный ночлег и обильный паек, а отвез в подвал тюрьмы и продолжил выбивать из нее признания, через пытки.

Ноги Марты были ошпаренными по щиколотку, пятки сварены до мяса, волдыри на ногах лопались, гнили, и приносили заключенной мучительную боль. Она не ходила, а ползала. За подмышки ее приволокли в полумрачный подвал.

– Ну, что, отщепенка! Признаешься, что ты ведьма?

Марту мучила жажда, ей хотелось покоя, усталость и боль терзали сознание и она молчала.

– Молчишь? Несите яйца!

Подчиненные, откуда ни возьмись, принесли ковш с докипающими в нем яйцами. Специальным пинцетом вытащили оттуда одно и приложили к подмышкам Марты.

– А теперь? Скажешь, что ты ведьма? – не унимался Ганс.

Резкая боль током прошла по телу, захотелось отпрянуть от обжигающего источника, шок, и Марта потеряла сознание. В те минуты, ей будто снилось, как она летает, та приятная прохлада ветра в лицо, та неведомая легкость, кураж и веселье. Она улыбалась. Ушатом воды ее вернули в реальность. Мокрая, она лежала на каменном полу в своей камере.

Ее морили голодом третий день, Марта спасалась от обезвоживания случайными каплями дождя, которые собирались на потолке и стекали вниз к ее миске. Тусклый свет робко заглядывал через решетку, была видна ночь, по подсчетам завтра полнолуние. Тело женщины горело, боль пронизывала и сковывала, запах гнилого мяса начинал привлекать насекомых, букашки с жадностью вгрызались в кровоточивую плоть, пузыри продолжали лопаться на коже, липкая слизь приносила облегчение, но притягивала грязь. Ночь перед полнолунием все исправит. Она не могла превращаться в животных, ошейник с вкрапленными нитями из крапивы, каким-то образом блокировал магию, но она точно знала, что предки ее не оставят.

Не зря ночь в полнолуние считается волшебной. Тишина, желто-белый круг с рельефными очертаниями в легкой дымке, величественно занимает свое место на небе. Яркие звезды рассыпаются по всему небосводу, луна загорается светом, проникает сквозь тьму, заливают окрестности.

В эту ночь слегка уловимая лунная дорожка пробралась сквозь решетку тюрьмы и опустилась на ноги Марты. Серебро луны – великое таинство, происходит исцеление, рубцы закрываются корочкой, кожа хоть и тонкая, практически прозрачная, но ее достаточно, чтобы закрыть загнивающее мясо. Боль уходит от Марты, тело начинает пахнуть ладаном. Куда-то в небо женщина шепчет: «Спасибо!».

Ночь бродит по земле долго, но именно эту Марта не заметила, звезды начали гасить свет и где-то вдалеке едва заалел рассвет.

Ганс, ближе к суду, сжалился над пленницей, и ей стали приносить овощную похлебку. Но вся стража, прежде чем отдать еду, смачно плевала в миску и, смеясь, подсовывала под решетку. Марта дождалась тишины, опускала свой нательный крест в тарелку, шептала молитву, и ее отвратительная еда начинала ароматно пахнуть, похлебка становилась мясной и наваристой, что утоляло голод на длительное время. За день до суда, к ней под окно прилетел черный ворон, то был посланник самого дьявола. Людской слух слышит лишь карканье, а волшебники различают языки всех живых тварей.

– Будет суд через день, они не оставят тебя в живых, приговор давно подписан, ты сгоришь ровно в полдень на центральной площади, но я могу тебя спасти. Отдай мне свою душу, обретешь жизнь вечную, тело вспомнит усладу приятную, в богатстве жить будешь.

– Моя душа светлая и не принадлежит ни одному из существующих миров. Наш род – это баланс между добром и злом, так было, так есть и так будет. Что судьбою написано, то и исполнится. Лети с миром, нечистый!

– Не оставят твою душу в покое. Все равно будешь моей.

Рассвет. Тюремную тишину разрезал лишь каркающий ворон.

В ночь, перед судом, Марту перевели в комнату, разрешили умыться, выдали свежую рубаху, длинное белое платье, закрытые сандалии и чепчик на голову. Утром принесли травяной чай и свежую сдобу. Марта окунула свой крест в воду, она стала вином и, не отрываясь, залпом выпила. Она приложила крест к сдобе, та стала просвирой, и женщина за раз ее съела. Пленница подняла свои очи к небу и зашептала:

«Кровь Спасителя во мне, его плоть. Матушки мои, тетушки, помогите, дайте сил и терпения это пережить. Примите мою душу грешную, да исполнится судьба рода на благо всем».

Кельн. 16 век. Август, Германия.

По решению от первого заседания, Марта должна была защищать себя сама. Ее привезли в знакомый зал суда, только теперь процесс был публичным и открытым. Вся скамья для надзирателей была заполнена: церковный трибунал, монархи, священники, адвокаты, дворяне, рыцари.

Марту посадили на неудобную скамью посередине зала, начинал собираться народ. В некоторых людях она узнавала своих односельчан, но большинство незнакомых. Стало шумно. Этот муравейник буквально поглощал женщину, кто-то плюнул ей в спину, лица не различались, будто весь Кельн обрушился на пленницу.

Тем временем, в зал вошел судья, облачился в черную мантию до пола, величаво прошел за трибуну, посмотрел сверху вниз на Марту, чтобы та почувствовала себя неловко, и стал зачитывать:

«26 августа, 1690 год, публичный допрос женщины – Марты Луизы Конти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.